

**ИСТОРИОГРАФИЯ СЕГОДНЯ:
ТРИ ШТРИХА С РЕЗЮМЕ
К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА**

*Только ясно осознав, так получилось,
что мы сейчас думаем именно так, как думаем,
мы сможем освободиться от стереотипов
и начать мыслить по-другому...*

И.Валлерстайн

Любая состоявшаяся научная дисциплина имеет свой «ритм жизни»: чередование «моментов взрыва» - обретения нового качества; «пиков агрессии» – воздействия на иные области знания; «ответов» на «вызовы» эпистемологического и социокультурного плана; континуума и кумуляции – периодов адаптации и рецепции инноваций; дискретности, стагнации и кризиса. Анализ всех этих состояний «длительности» научной дисциплины с позиций институционального подхода предполагает обращение к «фактору когерентности» – выявлению степени «сцепления» основных когнитивных и социальных параметров дисциплины как системного социокогнитивного образования в данный момент его существования; степени взаимопонимания представителями дисциплинарного сообщества смыслового ядра и статуса своей научной деятельности; степени «устойчивости» и функционирования «дисциплинарной матрицы».

Историография как рефлексивный ландшафт профессионального исторического знания, сфокусированный на познание самого познавательного процесса в области истории, переживает своеобразный период своего бытия: являясь «маркером идеологии профессионализма», стремительно расширяя в современном научном поле диапазон своего проникновения в исследовательскую практику, она, тем не менее, занимает «полумаргинальное положение»¹ в «дисциплинарном семействе» исторических наук.

Перспектива развития историографии зависит, в конечном счете, от ее репрезентантов, ибо, перефразируя Люсьена Февра («...нет истории. Есть историки»), можно сказать: нет историографии, есть историографы и их «игры» с идентичностью приводят к постоянной «реактуализации правил»².

Попробуем выделить штрихами возможные подходы к осмыслению картины институционального кризиса дисциплины, с которой привыкли идентифицировать себя профессиональные историографы...

1.

Известно, что критическая функция историографии, с которой связаны ревизия предшествующего опыта и поиски нового «качества», наиболее ярко проявляет себя в период кризиса науки в целом. В западной историографии новая стадия «перманентного кризиса» совпадает с новой культурно-исторической эпохой «постмодерна» (и во многом олицетворяет ее). В советской науке последних десятилетий наблюдалась несколько иная ситуация. Если разворачивавшийся кризис «дворянско-буржуазной» науки (М.В.Нечкина) во многом обусловил старт дисциплинарного оформления историографии, то этот же фактор – кризис советской исторической науки – ускорил завершение дисциплинарного процесса истории исторической науки и способствовал ее развитию уже в рамках «дисциплинарной стадии» своего бытия в последующий «постсоветский» период.

В то же время, поскольку закономерности историко-культурного процесса едины, несмотря на безусловное наличие национально-регионального «колора», подкрепляемого и политико-идеологическими мотивами, сущностные черты новой «постмодерной» эпохи органично вплелись в общий узор интеллектуального процесса в Украине и России последней трети XX – начала XXI вв. Среди них: ориентация на полифундаменталистский тип мышления, альтернативную методологию и теоретический плюрализм; соединение ранее несоединимого – научного познания и художественного, рационального мышления и интуиции, «внешних» и «внутренних» факторов и т.п.; провозглашение «третьего направления» в искусстве (в том числе – искусстве «историописания») – «нелинейное

письмо», смешение стилей, гетерогенность дискурса и т.д.; трансформация дисциплинарного поля, интердисциплинарность исследовательских подходов и проч.; включение многообразия традиций в делящийся полилог культур. Вместе с тем, следует осознавать, что это только – «тенденции», которые имеют весьма широкий репертуар своего «преломления» в социальной практике, в том числе – историографической, и не исчерпывают всей многомерности современной эпохи, сохраняющей в качестве оппозиции этим тенденциям почти классический «онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм» (Ж.Даррида), не говоря уже об интеллектуальной вариантности в межполярном пространстве.

Несмотря на то, что «постмодерная эпоха» выростала из «агрессии» по отношению к «эпохе модерна», ее стержневой принцип – плюрализм – закономерно предполагает включение в общее интеллектуальное поле элементов предшествующей стадильности³. «Левый фланг» новой эпохи – революционно-ниспровергающий – представлен «постмодернизмом» («постмодернистской парадигмой») как одним из направлений теоретической мысли, или интеллектуальным течением, которое возникло значительно раньше наступления самой «эпохи постмодерна». «Постмодернистская парадигма» со своим стержневым «поворотом» – лингвистическим – оказала существенное влияние на всю эпоху и, можно сказать, выступила в качестве главного «стимулятора» перехода к новой стадильности историко-культурного процесса. Однако сама «эпоха постмодерна» отнюдь не исчерпывается только этим направлением, как и «постмодернизм» – весьма многослойное явление – не замыкается в границах текста, хотя и «выталкивает» проблему Автора и Текста на поверхность «эпистемологического океана». Ориентация на «дискурсивные практики», «микроисторию», «регионально-локальный анализ» и т.п. отнюдь не упразднили «оппонирующих» направлений макроанализа⁴: новые тенденции мирового развития настоятельно выдвигают задачи написания «глобальной истории» на основе новых теорий всемирной («миросистемной», И.Валлерстайн) истории, новых версий и методик «гранд-нарратива». Рэндалл Коллинз – фигура почти культовая на «переднем крае» современных научных поисков – обратил внимание на то, что в интеллектуальном сообществе

сегодня «престиж и власть» принадлежат «сетевым моделям» - статичным и «локальным по уровню обобщения», однако их «аналитическая полезность», по его мнению, не долговременна, поэтому будущее науки – за моделями «макроисторических изменений и сетевых отношений»⁵.

Будем надеяться также, что и Автор в нас умер не совсем...

«Кризис» рубежа XX–XXI вв. (условно) как явление, многомерно включающее – перелом, переход, переворот, инвентаризацию, «чистку», «агрессию», рефлекссию, наконец, выразился в тщательном пересмотре всего наследства профессиональной историографии, истоки которой в ситуации социокультурного кризиса рубежа XVI–XIX вв. (условно). Это время - критического переосмысления интеллектуальной практики «Века философии» и экспериментов Великой революции - стало «питательной средой» для нового историописания, постепенно превращавшегося в профессиональную историографию, которая опиралась на три великие системы мировидения – романтизм, позитивизм и марксизм, вобравшие в себя и преломившие через себя весь предшествующий интеллектуальный опыт европейской (преимущественно) культуры.

Хотя романтизм сыграл решающую роль в утверждении идеи «историзма», фактически выдвинув тезис о самобытности истории как науки с ее пристальным вниманием к неповторимым, преходящим, конкретным, уникальным и единичным явлениям, - принято считать, что профессиональная историческая наука складывалась в основном на позитивистской платформе.

XIX век, вошедший «с легкой руки» О. Тьерри в историографию как «Век истории», представил практически одновременно (в середине столетия) две великие альтернативные модели общественного развития, давшие теоретическое обоснование практически всех его граней, компонентов и их взаимосвязей. Именно эти направления своей «агрессией» в отношении друг друга способствовали формированию теорий исторического процесса и исторического познания, которые при всей «оппозиционности» исходных концептов, имели много общих черт (идея прогресса, направленность исследовательского фокуса на социальные и экономические структуры, идея закономерности, сциентизм, «открытость» исторического знания для инструментария

социальных и естественных наук и проч.), своеобразный симбиоз которых в той или иной степени и форме был спроецирован в методологию профессионального историописания.

Процесс профессионализации исторической науки проходил в рамках т.н. «университетской науки», сформировавшейся в результате складывания новой «классической» европейской системы университетов, для которой был характерен дисциплинарный принцип организации научно-педагогической и научно-исследовательской деятельности ученых. Университетская система XIX в. с ее «дисциплинизацией» научного знания в целом сыграла роль ведущего фактора институционализации и профессионализации исторического знания. Таким образом, три категории - «дисциплинарность», «институционализация» и «профессионализация» - взаимосвязаны и определяют в конечном итоге процесс оформления научной дисциплины.

Дисциплинарность исторической науки как социокогнитивного образования предполагает наличие системы когнитивных параметров исторического знания, репрезентантами которого выступает уже научное сообщество, с четко выраженной профессиональной самоидентификацией; его деятельность осуществляется посредством определенных форм коммуникации в специализированных научных структурах в соответствии с конкретными нормативами, отражающими практику «историописания», идеологию и этос корпорации специалистов-историков, являющимися своеобразными маркерами профессионализма и признаваемыми всеми членами сообщества. Важнейшим когнитивным показателем завершения дисциплинарного процесса является формирование рефлексивного уровня в системе исторического знания – ведущих форм исторической рефлексии: методологии и истории самого исторического знания. Исходя из данного концепта, завершение процесса дисциплинарности исторической науки и ее институционализация хронологически приходятся на вторую половину XIX – рубеж веков – время, когда историческая наука обретает дисциплинарную доктринальность и активизируется самостоятельная «длительность» исторической рефлексии⁶.

Рубеж XIX–XX вв. (условно) дал старт для очередного этапа «инвентаризации» и «агрессии» в отношении опыта

профессиональной исторической науки XIX в. со стороны т.н. «новой исторической науки» XX столетия, стимулируя расширение историографической критики. Формула «Новая историческая наука» в современной литературе часто употребляется в «собирательном» смысле – для обозначения всех «интеллектуальных оппозиций» XX века к традиционному позитивизму и марксистской теории. Безусловно, применяя этот лексический оборот, следует учитывать огромный диапазон разнообразных «новых историй», перманентно возникавших на протяжении длительного времени – с конца XIX по 70-е гг. XX в.: каждая из них проявляла свои «пики агрессии» в отношении «традиционного» исторического знания, и эта «агрессия» была не просто связана с новыми методами познания и исследования прошлого, но сами эти методы чаще всего «привносились» иными дисциплинарными образованиями.

Собственно, процесс этот был не нов: в XIX в. становление профессиональной исторической науки проходило не только в размежевании «исторического поля» с иными гуманитарными «полями» - философией, филологией, но и в «агрессии» со стороны только что родившейся социологии. На рубеже веков «институировавшаяся» историческая наука испытала влияние психологии, социальной географии, философии. Первый виток формирования «историко-культурного образа» исторической науки также приходится на конец XIX – начало XX вв. Возможно, «интеллектуальная реакция» (И.Валлерстайн) неокантианства явилась, в какой-мере, попыткой утвердить дисциплинарную самобытность истории.

Новый век привнес и новые «атаки» со стороны социальных наук – «Школа Анналов», «Новая социальная история» и проч.: собственно их острие было направлено против идиографических канонов – «дисциплинарного сепаратизма», господства «эмпиризма», диахронических методик, «событийной истории» и проч. С 60-х гг. «науковедение» и историческая наука стали испытывать взаимное притяжение; сближение истории с математикой привело к рождению клиометрики. Новая «агрессия» с конца 70-х гг. шла от лингвистики и филологии, психологии и герменевтики, антропологии и культурологии; возникла «нарратология». 80–90-е гг. привнесли новые «атаки»

со стороны социологии и экономической науки; обозначился «синергетический синдром» и т.п. Философия «постмодернистов» дала «старт» не только для инвентаризации всей предшествующей профессиональной историографии, но и для ее интеллектуальных предпосылок.

Перманентная флуктуация в процессе поисков ответа на сакраментальный вопрос – «как изучать историю и как писать историю?»: замкнуться в собственном дисциплинарном пространстве, акцентируя «историзм», «диахронизм» и «идиографизм», или в сближении с иными областями социогуманитарного знания (и не только!) постоянно расширять свой методологический арсенал, стимулировала историческую рефлексию и совершенствование историографического анализа.

Рубежтысячелетий снова заставил переосмыслить пройденный исторической наукой путь и тем самым способствовал размаху историографических изысканий. «Эпистемологический самоконтроль» (А.Я.Гуревич) к началу XXI века не только становится главным нормативом профессионального историописания, но и предстает в качестве фундаментального стержня профессионального познания истории, критерия «профессиональной пригодности» современных ученых.

2.

Дисциплинарная структура науки, «вписанная» в общий контекст культурного развития определенного социума и обусловленная спецификой институционального процесса, всегда имеет конкретно-временную и регионально-национальную окраску.

Институциональным стержнем, определяющим дисциплинарную доктринальность, показателем самоидентификации, соотношения с определенной научной (историографической) традицией выступает «имя» научной дисциплины, в котором сконцентрирована социальность когнитивного образования. Картину наметившихся тенденций в современной практике использования конкретных наименований рефлексивной составляющей исторического знания, сфокусированной на историю самого процесса познания истории, и предметно-

содержательного наполнения соответствующих названий, можно представить тремя версиями:

Версия первая представляет традиционный для отечественной и российской науки (с XIX в., включая советскую эпоху) подход, согласно которому, термин **«историография»** обозначает *специальную историческую дисциплину*, изучающую историю исторических знаний и исторической науки и имеющую широкое проблемное поле, в структуру которого входит комплекс социокогнитивных аспектов бытия исторической науки; термин **«история историографии»**, в свою очередь, обозначает форму историографической рефлексии – *истории истории исторического знания (науки)* – уже сложившееся в российской и отечественной науке направление историографических исследований⁷. Данная традиция, репрезентованная преимущественно историками – «отечественниками», начиная с XIX столетия, отразила процесс дисциплинарного формирования истории исторической науки, осмысление и обоснование этого процесса. Определение историографии как специальной отрасли исторической науки, дисциплины – «важной», но с подчиненно-вспомогательными функциями⁸, не исключало, тем не менее, признания ее широкого проблемного поля. Традиции, заложенные специалистами – «отечественниками», были в общих чертах заимствованы и специалистами в области всеобщей (всемирной истории) как в рамках университетской практики эпохи Российской империи, так и в советский период⁹. Эволюция предмета отражала восприятие конкретных «образов» историографии, которые детерминировали соответствующие подходы к направленности историографических исследований: **(1). Когнитивный образ** науки способствовал преобладанию в «университетской науке» XIX – начала XX вв. *«когнитивного подхода»*, т.е. изучения «исторической мысли», что, не исключало ориентации исследовательского фокуса на иные объекты (научные и культурные традиции; научные учреждения; общий контекст истории науки, культуры и т.п.: А.Г.Брикнер, В.С.Иконников, А.С.Лаппо-Данилевский, П.Н.Милюков и др.); общий ход историко-научного движения рассматривался в границах кумулятивистской модели. **(2). Социальный образ** науки, утвердившийся на основе редуцированного марксизма, обусловил приоритет *«социального» («классового») подхода*, который

фокусировал направленность историографического интереса на «социально-политическую» детерминацию исторических идей, выявление «объективно-классового содержания» исторических концепций, закономерностей историко-научного движения через анализ «борьбы школ и направлений». Общее движение науки рассматривалось в русле диалектической модели «научных революций». (3). На «волне оттепели» в процессе дискуссий 60-х гг. по проблемам историографии, которые проходили под лозунгом «нового прочтения» аутентичного марксизма, преодоления социологического редукционизма прошлой эпохи была выработана новая модель развития исторических знаний, исходя из взаимосвязи ее «внутренних факторов» (когнитивных параметров науки и ее организационных основ) и «внешних факторов» - широкого спектра социально-экономических и политико-идеологических «условий развития исторической науки» (М.В.Нечкина). С рубежа 70–80-х гг. эта модель получила определенную коррекцию с позиций системного подхода (И.Д.Ковальченко); была предложена экспликация понятий «историографические процессы», «историографическая ситуация» (Л.Е.Кертман), «проблемная историография», «история историографии» (Р.А.Киреева); историографы обратились к категориальному аппарату и исследовательским методикам науковедения (А.М.Сахаров, Д.П.Урсу, Г.П.Мягков, И.И.Колесник и др.). Идея альтернативности когнитивного и социального подходов к изучению истории исторической науки была преодолена советскими историографами уже к середине 60-х гг. на методологической основе «обновленного» марксизма¹⁰. Проблема «оппозиции» этих подходов в западной философии и социологии науки - «контраверса интернализм-экстернализм» - получила свое критическое осмысление в советской историографии науки 60-80-х гг. (С.Р.Микулинский); одновременно была выработана новая - «*комплексно-параметрическая модель*» науки. В начале 70-х гг. британскими учеными был предложен новый – «*социокогнитивный подход*» (термин А.П.Огурцова) к анализу науки. Постепенное утверждение «*социокогнитивного образа*» науки было, на наш взгляд, одним из проявлений формировавшегося в это время нового «постмодерного» мировидения. Несмотря на «законсервированную» идею «противостояния» советской и

«буржуазной науки», внутренняя интеллектуальная оппозиция ученых в отношении «мемориального варианта» официальной методологии выразилась в широком распространении т.н. «эзоповой культуры» 70-х. Как одно из ее проявлений – «эффект интеллектуального конформизма»/своеобразный отток критически мыслящих специалистов в сферу «чистой» теории/ (И.И. Колесник) – нашел свою проекцию в стремлении элитарной части советских историографов к преодолению научного изоляционизма через активную разработку категориального аппарата исторической науки на основе обращения к опыту науковедческих исследований (как западных, так и советских), к популяризации идей «Новой исторической науки», к рефлексии инновационных направлений мировой историографии; эти факты научной жизни повлияли на престижность «ремесла историографов», способствовали становлению определенной «институциональной среды». «Перестроечная эпоха» создала условия для легитимизации новых тенденций историографической практики. К рубежу 80-90-х гг. историографию воспринимали как специальную дисциплину, изучающую закономерности развития исторических знаний и исторической науки (распространилась формула «история знания и исторической науки как социального института») в широком социокультурном контексте. Доктринальная дисциплинарность подкреплялась развитой инфраструктурой, институциональными нормативами, «узаконенными» официальными документами и многочисленной дидактической литературой; «передовой край» науки был представлен в большей мере в материалах многочисленных конференций конца 80-х – начала 90-х гг., «статейным массивом», в том числе и в зарубежных изданиях, принципиально новыми монографическими и диссертационными исследованиями. Однако «пик» историографической «агрессии» совпал с общим геополитическим и социокультурным кризисом. Новый историографический дискурс не успел стать достоянием широкой массы профессиональных историков, оставшись уделом «узкого круга» специалистов, а историография как неотъемлемая часть всей советской исторической науки оказалась в пучине первой волны гиперкритики новой – «переломной» - эпохи.

(4.) В «постсоветском пространстве», в рамках становления национальных историографий в Украине и России, данная традиция

в восприятии **историографии** как специальной исторической дисциплины (или специальной отрасли) в целом сохранилась: она представлена в официальных документах (учебных планах, программах и т.п.), в названиях научных учреждений (кафедр, отделов и т.п.), в наличии специализированных изданий, в структуре официальной классификации «специальных исторических дисциплин», в дидактической литературе и др. Содержание этой дисциплины определяют в диапазоне: от вариаций тех формул, которые были выработаны в предшествующий период до интеллектуальной и социальной истории исторического познания и изучения историографического процесса с позиций социокогнитивного подхода - во всей его многомерности, с учетом когнитивных, инфраструктурных и социокультурных параметров развития¹¹. «Территория» историографии в значительной мере расширилась: на протяжении 80-90-х гг. сформировался блок различных понятий, обозначающий определенные направления историографических исследований – *проблемная историография, история историографии, региональная историография, биоисториография* и проч. Историографический синтез получил свой диапазон подходов: социальный, интеллектуальный, сциентистский, социокультурный, персонологический и проч.

Версия вторая в современной литературе широко представлена формулой **«история историографии»**, которая имеет два истока: 1) данная формула западной науки, не связанная с самостоятельным дисциплинарным статусом истории исторической науки, но выражающая относительно автономное направление исторических исследований, содержание которых – различные аспекты *истории исторического познания*, и входящее в иные более крупные дисциплинарные или интердисциплинарные блоки; в данной формуле термин «историография» означает историческую науку; практика исследований по истории исторической науки в западной традиции характеризовалась определенным структурным «изоляционизмом»: когнитивные параметры были объектом изучения интеллектуальной истории, философии, теории и эпистемологии истории; социальная проблематика включалась в сферу социальной истории, социологии науки и проч.; 2) формула **«история историографии»** возникла как попытка

дисциплінарного означення історії історическої науки в «дореволюційній» історіографії (професор П.М.Біцилли, наприклад, в Новоросійському університеті читав спеціальний курс «Історія історіографії» і пізніше в еміграції видав «Очерки теорії історическої науки», засновані на матеріалах даного курсу, в яких представлено авторське розуміння формули). В більшій мірі цю формулу використовували і використовують зараз в Росії спеціалісти по загальній (світовій історії) для означення історії історического розуміння, розуміння і мислення як субдисципліни, застосовуючи термін **«історіографія»** в значенні синоніма самої професійної історическої науки (Л.П.Рєпіна, Г.І.Зверєва, А.Л.Ястребіцкая і др.). Одночасно, ця формула отримала поширення в середі «вітчизняків» і в українському науковому полі.

Версія третья відображає інноваційні пропозиції, засновані переважно на досвіді західних традицій і пов'язані з проектами трансформації історії історическої науки з метою отримання нового якості: **(1)**. Сучасні українські історики вважають цілеспрямованою формулу **«історія історіографії»** застосовувати для означення *рефлексивної (теоретическої) історіографії*, яка концентрує увагу (в відмінні від *проблемної історіографії*) на загальному розвитку історических знань і інститутів визначеної епохи або періоду в руслі історії науки. Одночасно, термін **«історіографія»** допускається для використання в двох значеннях: історическої науки як пізнавального процесу в цілому і, враховуючи традиції Східної Європи, - для означення «спеціальної науки», вивчаючої здійснення і результати цього процесу. В той же час, «після ударів, завданих модерному світобаченню зародженню постмодернізму, історіографічне вивчення остаточно надало перевагу пізнавальним (епістемологічним) і знанневим (когнітивним) підходам до дослідження історичної творчості, в центрі якої опинилися свідомісні процеси – історична думка, знання, світогляд, ментальність», в той же час як «зовнішні прояви історіописання (твори, інституції, суспільні умови тощо) не зникли з поля зору історіографів, вони розглядають їх передусім як передумову й тло формування індивідуальної

та колективної історичної свідомості»¹². Исходя из данного концепта, термин «историография» более адекватно отражает эту дисциплину, нежели формула «история исторической науки» (Л.О.Зашкильняк). (2). Новое бытие истории исторической науки рассматривается и в качестве рефлексивного компонента общего **«историографического дискурса»** – широкого понятия, включающего практику историописания и рефлексии относительно этой практики. С одной стороны, под углом зрения «лингвистического поворота» историография в традиционном своем облике, возможно, предстает в качестве «интеллектуального раритета советской исторической науки», само имя которой напоминает «научный антиквариат», но с другой – историография с ее традиционным опытом выступает как «синхрон и аналог западной нарратологии». Эти области знания, с их универсализмом и одновременно спецификой, можно воспринимать как науковедческую (историография) и лингвистическую (нарратология) рефлексии исторической науки. Изменение в современной интеллектуальной ситуации прежнего образа историографии (с преобладанием экстерналистского подхода к истории идей и проч.), тем не менее, не должно сопровождаться утратой достояний и приобретений длительной историографической традиции¹³. (3). Поскольку в западной науке история исторических идей (шире – познания) традиционно входила в историю идей – *интеллектуальную историю*, постольку ее трансформация происходит с обновлением самой интеллектуальной истории, которая стала означать «общий поход к истории как истории понимания пришлого». Неотъемлемой частью интеллектуальной истории является история знания, история науки, дисциплинарная история. Историография науки обычно выделяется в «специальную дисциплину» и «сохраняет инерцию «автономного плавания»; ее «ведущая тенденция» состоит в смене «интерналистского» (сконцентрированного на самой науке) подхода более широким – «контекстуальным подходом», соотносящим науку с современным ей обществом. Новая историография науки рассматривает различные области знания как формы общественной деятельности и часть культуры. Таким образом, произошла «легитимизация» не только «социальной», но и «культурной истории», важнейшей

предпосылкой которой выступает идея «культурно-исторической детерминированности» предствлений о науке и других формах познания. Наряду с историей науки как таковой «центральное ядро» интеллектуальной истории составляет история социогуманитарного знания. В этом массиве «приоритетное место» занимает анализ истории исторического познания, сознания и мышления» – *«история историографии»*, которая радикально преобразилась под влиянием «лингвистического поворота» и конкретных работ сторонников «новой исторической критики»: расширилась ее проблематика, а центральное место отведено «изучению дискурсивной практики историка». Взяв «на вооружение» некоторые принципы и методы литературной критики», история историографии «имеет тенденцию к превращению в ее двойника – *историческую критику*, а интегрируя новые и традиционные методы анализа, получает шанс обрести масштабную и полноценную методологическую базу и стать по-настоящему самостоятельной и самоценной исторической дисциплиной». Для обозначения нового качества в самом имени предложено назвать новую дисциплину *«клиографией»* или *«клиологией»*. Последнее название отражает также тенденцию сочетания историко-историографических, методологических и эпистемологических проблем, имеющую место в конкретной практике последних десятилетий¹⁴.

Дисциплинарный статус историографического знания, исходя из этой картины, не обладает универсальностью. Сама историографическая область подвержена трансформации и в восприятии ее репрезентантов не имеет четкой конфигурации ни по предметно-содержательным, ни по формальным признакам (включая самоназвание).

Среди ведущих факторов, обусловивших эти тенденции, можно выделить четыре группы: 1) сближение с западной наукой и ее традициями; 2) обращение к традициям отечественным XIX – начала XX вв.; 3) «оппозиция» в отношении традиций советской науки; 4) специфика историографической и общенаучной ситуации «эпохи постмодерна».

3.

В социокультурной ситуации начала нового тысячелетия

отчетливо заявляет о себе тенденция, направленная против «дисциплинарного сепаратизма», свойственного новому времени, и ориентированная на поиск методов получения целостного знания. Главную конфигурационную линию в организационном движении знания определяют сейчас по схеме: «дисциплинарность – междисциплинарность – полидисциплинарность». Рефлексивное знание, приобретаемое на протяжении XX века устойчиво-хрестоматийные дисциплинарные образы (со своими вариациями в национально-региональных дисциплинарных мирах), расширило горизонты своего бытия и, ломая привычные дисциплинарные барьеры, устремилось к созданию единой «рефлексивной территории». В области исторической рефлексии это выражается в формировании глобальной интеллектуальной истории, в радикальном сближении истории исторического знания с методологией истории, теоретическим источниковедением, в восприятии всей практики историописания и ее рефлексии как историографического дискурса и т.п. Образование новых «лакун» исследовательского пространства в результате сложных дифференциационно-интеграционных процессов приводит к новой конфигурации научных сообществ: в границах инфраструктуры современной науки формируются полидисциплинарные и интернациональные сообщества, связи внутри которых и между которыми обеспечиваются коммуникативными ресурсами новой информационной эры. Одновременно, складывается сеть «внутридисциплинарных» групп, объединенных различными мотивациями «сплоченности»; появляются также инновационные группы, которые находят единомышленников в более широком интеллектуальном пространстве. В этих условиях более «подвижной» становится организационная структура, а «принадлежность к ассоциации» - не столь формальна, менее институциональна и не регламентирована профессиональным образованием и статусом. В этих условиях «актуализируется неформальная структура «незримого колледжа» европейской науки», членство в котором определяется уже «исключительно стилем мышления, духовной и интеллектуальной близостью ученых...»¹⁵. Приоритетным принципом организационного строения науки становится не дисциплинарный, а проблемный. Таким образом, «жесткая» нормативность профессионально-

дисциплинарного «поприща» начинает уступать место «мягкой» демаркации в системе глобальной кооперации гуманитарного (и не только) знания.

Но исчезает ли научная дисциплина как таковая? В восприятии современных ученых историческая наука предстает как сложная система институциональных, организационных форм, дисциплинарных предписаний, формирующих и закрепляющих различные системы представлений («культурно-исторические образцы») об историческом знании, профессии и профессионализме, их преемственности и изменениях; как «гетерогенная интеллектуальная система», в которой должны «сосуществовать» в рамках единого академического сообщества специалисты, идентифицирующие себя с различными дисциплинарными, методологическими, идейно-политическими, социальными и прочими «группировками». Перед историками выдвигается задача преодоления разнонаправленности субдисциплинарных векторов с целью выбора новой перспективы, которая была бы способна их «переориентировать и упорядочить, но не игнорировать»¹⁶.

Эти идеи, бесспорно, нацелены на сохранение «территории истории» в целом, на упрочение «единого академического сообщества» историков, какие бы дисциплинарные «векторы» они не представляли, на толерантность взаимоотношений субдисциплинарных интеллектуальных сообществ. Сама установка «полидисциплинарного синтеза» на основе проблемной организации науки предполагает «сличение» специфических для каждой дисциплины «вопросников, методов, языков и толкований», анализ разнообразных «хорошо обоснованных комментариев социальных объектов», полученных от конкретных дисциплин, в соответствии с проблематикой и концептуальным инструментарием определенных «дисциплинарных традиций»¹⁷.

«Дисциплинарность», безусловно, категория «классической науки», артефакт декартова «индуктивизма», ньютоновской «механистической модели мира», бэконовского «методологического сепаратизма», когда в поисках «универсальной» истины целостность мира разделяли на составляющие, и эти фрагменты реальности определяли предметную установку конкретного блока знаний. «Неклассическая

наука», направив острие рефлексии на «субъект познания», поколебала традиционные критерии систематизации научного знания. Социально и антропологически ориентированные «повороты» в научном познании обусловили выдвигание на первый план не «предмета науки», а ее «субъекта»: в отличие от «жесткого образа» дисциплинарности с приоритетом четкой конфигурации «предмета науки» (модель XVII-XIX вв.) намечился переход к более «гибкой версии» научной дисциплины, ведущей характеристикой которой выступила категория «научное сообщество». Введенное понятие «степень институционализации» (Р. Уитли) соотносится со структурированностью поведения ученых и значений терминов, принятых в отдельной исследовательской области, т.е. - конкретным коллективом, профессионализм которого определяется блоком дисциплинирующих нормативов.

Для того, чтобы принадлежать конкретной дисциплине (входить в дисциплинарное сообщество), ее репрезентант должен строить свои суждения (создавать свой «дискурс») в соответствии с определенным типом «теоретического горизонта», а его суждения будут признаваться не потому, что они «истинны», но потому, что они сформулированы «в истинном», т.е. в том коридоре значений и терминов (объектов, методов, правил, определений, инструментария и проч), которые приняты дисциплинарным научным сообществом. В этом смысле дисциплина и выступает как «принцип контроля над производством дискурса»¹⁸, а дисциплинарное сообщество, по сути, становится «дискурсивным сообществом» (позволю себе воспользоваться формулой М. Фуко, но несколько в ином значении). «Функция взаимопризнания» при этом остается важнейшей: «...каждый признает в качестве ученых несколько других людей, которыми он в свою очередь признается ученым, и из этих отношений слагаются связи, транслирующие (уже из вторых рук) это взаимопризнание по всему сообществу. Так каждый его член оказывается прямо или косвенно признанным всеми. Эта система простирается и в прошлое. Ее члены признают одних и тех же лиц в качестве своих учителей, на верности им основывают общую традицию и каждый развивает в ее пределах собственную линию...»¹⁹. Индекс цитирования наглядно демонстрирует сложившееся положение вещей.

В условиях плюралистичности и толерантности научных позиций, определенной «размытости» традиционных «дисциплинарных миров» ситуация внутри научного сообщества в целом, тем не менее, радикально не изменилась. Можно, безусловно, говорить о значительно большей внутренней свободе отдельного исследователя, о более значительном пантеоне «титულных лидеров», о расширении «теоретического горизонта» и т.п. Но не преобладает ли декларативность над действительной победой «полифундаменталистского мышления»? И «крайне левые» (причем, в большей мере – адепты, нежели отцы-основатели) - на «переднем крае» науки – не утверждают ли свои открытия в нигилистическом противостоянии с «традиционными»? Внедрять новые идеи всегда проще, «если воспринимать их как протест против старых» (И.Валлерстайн). Однако, разворачивая флаг «новизны», стоит четче соотносить «теоретические схемы» с реальной практикой. В этом плане вряд ли стоит жестко «диахронизировать» и организационные формы науки: тезис о «смене» дисциплинарной организации науки (-архаичной формы) проблемной организацией практически утвердился в современной науке. И это при всей «борьбе» с «линейным» мировидением!

«Дисциплинарность» и «проблемность» – два типа организации научно-исследовательской работы, дополняя и восполняя друг друга, образуют, тем не менее, неразрывное целое – науку, многоструктурное, многоуровневое и полисистемное образование. М.Фуко не отождествлял науку с «дисциплиной»: для него – это один из «принципов ограничения» - «относительный и мобильный», позволяющий «конструировать, но с рядом ограничений»; это - то, «что называют не науками, а «дисциплинами»»²⁰. В сущности, это – аналог «нормальной науки» по Т.Куну.

Структура науки более напоминает «проблемно-дисциплинарный» тип. Ее «передний край» всегда организован проблемно и часто исследовательская проблема лежит на «перекрестке» дисциплинарных «территорий», вызывая к жизни междисциплинарные методики и создавая собственное «проблемное поле». Определение направлений «Новой исторической науки» как «проблемных полей»²¹ вполне уместно

отражает данный факт. Дисциплинарная же организация науки – как арьергард, «жесткое ядро» – выступает в качестве канала, обеспечивающего социализацию достигнутых на когнитивном уровне результатов, превращая их в «культурно-исторические образцы». При этом, следует учитывать «двуликий образ» дисциплины, включающей в себя свой «учебный лик» – наиболее «консервативный» с точки зрения своей функциональности: его главная цель – сохранение и передача традиций – «дисциплинарной матрицы», воспроизводство научного сообщества в общепринятых для конкретного этапа развития науки профессиональных нормативах.

«Дисциплина» в широком значении этого слова – неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя (в том числе – в передаче традиций) некий «порядок вещей», дисциплина способствует нормальному функционированию и воспроизводству социума. Институционально-дисциплинарные процессы в науке как компоненте социокультурного организма в целом имеют относительную автономию и неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом. В основе «движения» (необязательно – «вперед» и «вверх») – не только «рефлексивные размышления» интеллектуалов, представителей научного сообщества, но и много иных, отнюдь «не-научных», факторов, которые влияют на «реактуализацию правил» и трансформацию «институциональной среды». «Дисциплинарность», регламентирующая мир науки, продолжает свое бытие, но, безусловно, каждая новая эпоха со своими социокультурными катаклизмами вносит свои коррективы в систему «дисциплинарных миров» и в собственно – «дисциплинарный образ» как таковой.

Проблема осознания границ и форм «сознательного» воздействия на формирование и развитие дисциплинарных и междисциплинарных комплексов, отдельных дисциплин, выявление и анализ механизмов дисциплинарной самоорганизации – как частная в глобальной проблеме «эпифеноменов» человеческой деятельности, форм их проявления и обратного воздействия – в качестве одного из вариантов решения может быть сориентирована

на анализ «дисциплинарной истории» (историографии и ее региональных измерений) через исследование процессов институционализации (в том числе – «институционального кризиса»). Для обновления историографических методик важна практика новых подходов к изучению интеллектуальных сообществ, расширение которой связано с переориентацией исследовательского фокуса с когнитивного анализа знания на когнитивно-антропологически-социокультурный. При этом на первый план выходят проблемы взаимоотношений – связей – контактов между представителями интеллектуального пространства и их влияние на институциональные параметры когнитивного и социального плана. В связи с этим, новый поиск, на наш взгляд, идет в границах *институционального направления*: 1) традиционная «история интеллектуалов» (в западной традиции), которая с 80-х гг. пополнила «социальную историю элит», опиралась на метод «социальной биографии». Методологические трудности этих исследований заключались в отсутствии «единой категориальной сетки», необходимой для сравнительного анализа на микросоциологическом уровне. Новая методологическая ориентация связана с социологической теорией «социальных сетей» Р.Коллинза, согласно которой внимание исследователя должно быть направлено на анализ форм личных связей, ибо стержневая идея автора в том, что «непосредственное социальное влияние на конструирование идей оказывает сетевая структура отношений между интеллектуалами»²². «Сетевая схема» создается на основе биографических данных, включая «вертикаль» (связи между поколениями) и «горизонталь» (связи между современниками)²³; 2) «интеллектуальным экспериментом» называют устойчивый интерес историков-анналистов третьего поколения к новым объяснительным моделям «экономики соглашений» и «социологии действия», вырабатываемым сегодня в экономической науке и социологии – т.н. «другая» социальная история. Согласно этим подходам, историк должен ставить своей задачей «конструирование социальной ткани», что предполагает «вхождение исследователя в плотную сеть социальных отношений разного характера – конкуренции, солидарности, альянса и т.п.» и, соответственно, - смещение исследовательского внимания с функционирования общественных институтов на стоящие за

этим «стратегии» индивидуального и коллективного поведения и его мотивации²⁴;

3) американская экономическая школа «Историко-институционального анализа», заявившая о себе в 80–90-е гг., концентрирует внимание на мотивационных и информационных аспектах поведенческой модели²⁵. Симптоматично в этом плане обращение экономистов в рамках «ИИА» к истории, поскольку именно в «эмпирии», в накоплении опыта описания и анализа поведенческих «конфликтных ситуаций», конкретных казусов «принятия решений» черпают новые теоретические модели необходимую качественную информацию относительно «стратегий» участников социальных практик в своем конкретно-историческом измерении, т.е. – на уровне микроанализа. В отличие от Р.Коллинза, уверенного в очередном колебании маятника – переходе нового поколения ученых от «микроанализа» к «макроанализу», историками-анналистами сегодня в качестве постановочной проблемы формулируется вопрос: можно ли осмыслить «макро» через «микро», исключает ли микроистория изучение макропроцессов²⁶.

Сохранение дисциплинарного статуса зависит от выработки оптимальной стратегии по его укреплению, что, в свою очередь, требует не только рассмотрения «предложений» по «приобретению нового качества», но и осмысления различных «образов» историографии (историографических традиций), в том числе – «мифологических», создание которых в силу разных причин («забвения», «разрыва традиций», «совмещения», подмены одного – другим и проч.) неизбежно в «переломные эпохи». Нельзя не признавать тот факт, что марксистскую концепцию, например, периодически «огрубляют» до примитивности, для того чтобы с ней «воевать». И это касается не только марксизма и иных «миросистемных» учений, но и любой концепции, широкое распространение которой означает в конечном итоге ее «упрощение», подчас «искажение до неузнаваемости основных идей»²⁷.

Отторжение «советского варианта» историографии в ограниченной – «мемориальной» форме (Пьер Бурдьё), воспринятой массовым профессиональным сознанием привело к тому, что процесс включения операционного инструментария

на формальном уровне (в первую очередь, «вторжение» новой терминологии) во многом опередил рефлексию исследовательского поиска, с одной стороны, а с другой – способствовал созданию очередных «мифологем», в том числе – «уничижительных» образов традиционной историографии как научной дисциплины, с изъятием из нее позитивного багажа. Характерно, что данная практика распространена и в западной науке: «Лексика исторических исследований кишит знаками показного коленопреклонения перед загадочными письменами полубогов... как будто само упоминание их священных имен придаст ореол и смысл тому, что авторы подобных работ довольно помпезно предпочитают сейчас называть своим «дискурсом». Среди западных историков ссылки сегодня почти в такой же моде, как в свое время в России при Сталине»²⁸. «Обвал» публикаций с бесконечным цитированием при отсутствии анализа цитируемого – практически одних и тех же фраз «титulyных лидеров» – привело к «смешению понятий», неспособности определиться с историографическим контекстом.

Понятие «контекста» – ключевого со времени возникновения интеллектуальной истории и вместе с ней эволюционировавшего – в историографических исследованиях приобретает сегодня особое звучание. Требование «контекстуализации» как историографический норматив, т.е. «вписывание» автором самого себя «не только в актуальную исследовательскую ситуацию, но и в более широкий теоретический контекст», в современных условиях разрушения «стабильных генеалогий различных наук», отсутствия не только общепризнанных канонов историописания, но и размывания границ самой научной историографии приобретает особое звучание²⁹. Собственно, «вписывание» исследования «в определенный корпоративный дискурс» – норматив, необходимость которого не подвергается сомнению в среде профессионалов³⁰.

Поиски новых теоретико-методологических ориентиров, пристальное внимание к «Новой научной истории» (в обобщенном смысле) оставило на периферии модус прежней («консервативной») исторической науки. Тем не менее, продукция «Старой научной истории», или лучше – «Традиционной научной истории» – весьма значительна по объему, тематике и

популярности у читателей. Следует помнить о том, что «общий рынок» общественных наук (Ф.Бродель) существует, знания накапливаются в результате эмпирической работы, «невзирая на самые радикальные различия в теоретических концепциях, онтологических схемах, исследовательских парадигмах...и даже вопреки им»³¹, и «старой исторической науке» с ее описательностью, фактографичностью, эмпиризмом, искренним стремлением к «воссозданию» прошлого во всей его конкретике, многообразии и неповторимости «законсервирована» совсем не последняя роль. Ни одна «модель», «теоретическая схема», многоликая вариантность интерпретаций не состоится без добротной базы фактов. Недаром «новая экономическая история» со своим «историко-институциональным анализом» обращается к исторической эмпирике; ни одна схема «сетевых коммуникаций» не будет работать без тщательно выверенного биографического материала; поиск механизмов «социальных практик», анализ эволюции «институциональной среды» и проч. вряд ли возможен без предварительного накопления фрагментарно-мозаичной картины исторического и историографического хаоса.

Нельзя забывать и о параллелизме сосуществования инноваций и традиций, об их взаимовлияниях, о продолжительности временной дистанции, отделяющей рождение новаторской концепции от ее превращения в интеллектуальный инструмент массовой практики, об ее трансформации на этом пути – множественности вариантов рецепции. Разумеется, «линейная» картина «проблема - исследовательская область – научная отрасль - научная дисциплина» – во многом логический конструктор. Так же, как и «сменяемость» методологических направлений, образов «новой исторической науки» и проч. Все это сосуществует в одном интеллектуальном пространстве. Даже, если ограничиться временным диапазоном конкретной жизни ученого, их «современность» с неизбежностью детерминирует факт взаимовлияния, вне зависимости от формы и содержания их «контактов».

В свое время М.А.Барг писал о сложности образа историографического процесса, наблюдаемого «с двух позиций – континуитета и преемственности», предостерегая тем самым не противопоставлять двоящиеся образы времени развития

науки, сциентистский и культурологический подходы, форму и содержание исторического знания и т.п. Проблема «темпорального полиморфизма» исторических исследований замыкается в конечном счете на социальном характере исторического знания, невозможности «исследовательской «робинзонады» историка»³².

Для корпорации университетских ученых сохранение профессиональных традиций связано с их функциональным предназначением – воспитанием нового научного поколения – «воспроизводством» профессионально-дисциплинарного научного сообщества. В связи с этим, обратим внимание на ситуацию последних десятилетий в американских университетах: анализ «внедрения» инноваций в область образования дает основания констатировать, что исторической профессии был нанесен значительный ущерб со стороны Cultural studies. Бурное развитие этого направления имело в качестве оснований – утверждение в обществе новых социальных групп и феномена политкорректности, становление массовой культуры и культурную агрессию постмодернизма. В университетах США произошли радикальные изменения в учебных планах, что обусловило значительную модификацию классической модели исторического образования: сократились собственно исторические дисциплины, исторические курсы были объединены с неисторическими, тематика курсов эволюционировала в сторону микропроблем, предметы, дававшие ранее масштабные представления о всемирной и американской истории упразднились и т.д. В итоге в 2002 г. только 10 из 50 ведущих национальных университетов и гуманитарных колледжей включали в блок обязательных курсы по истории; уменьшились выпуски профессиональных историков³³.

Резюме (риторическое):

1) не является ли «перманентный кризис» родовой исторической науки суть «нелинейным» процессом ее развития, в котором все «культурные голоса» никуда «не исчезают», но, постоянно пополняя «пространство исторической рефлексии» (Л.М.Баткин), периодически «затухая», возникая вновь, преобразуясь в иной терминологической оболочке и проблемно-постановочных вариациях, способствуют тем самым расширению этого пространства? 2) историографический

ландшафт не испытывает ли пики собственной «агрессии», в условиях (и «за счет») «кризисов» своей родовой науки, от которой он отделим лишь условно, в силу «дисциплинарного фантома», подверженного постоянной «реактуализации правил» (М.Фуко) в границах эволюции «институциональной среды»? кризис исторической науки не затрагивает ли неизбежно и свою рефлексивную составляющую (тем более, что одним из «образов» исторической науки предлагается симбиоз методологической, источниковедческой и историографической ее ипостасей /С.О.Шмидт, В.В.Подгаецкий/), «питая» ее и одновременно «корректируя» острие историографической критики? **3)** не является ли органичным продолжением критической миссии историографии выработка ею новой парадигмальной системы в результате анализа «историографической практики» и определения ее «перспективных тенденций» (П.М.Бицилли)? вместе с тем, новая парадигмальная система, включившая в себя эти «перспективные тенденции», не становятся ли артефактом многообразных «конфигураций социальной игры» репрезентантов науки, результатом их «договоренностей», «соглашений», «переговоров», т.е. социальных практик и коллективных представлений (Ж.Ревель); **4)** не превращается ли в этом плане научная дисциплина в некое «институциональное устройство», определяющее способ кооперации (и/или конкуренции) субъектов науки на основе утверждения определенной «институциональной среды» («правил поведенческой игры»), формирующей «социальные контексты», в которых и осуществляется социальная активность ученых? **5)** не происходит ли «трансформация дисциплинарного пространства» науки, т.е. формирование новых «социальных целостностей» – научных сообществ (в том числе – дисциплинарных) в результате взаимодействия поведенчески противоречивых «совокупностей социальных актеров», и «рождение» новых дисциплин (суть – социально-институциональных образований) не подчинено ли своим собственным «конфигуративным» внутренним логикам, сложно очерченным социально, исторически, культурно, и микросоциальным «по уровню протекания»? **6)** не наблюдаем ли мы «синдром гипертрофии» идеи «проблемности» как организационного принципа в силу

вполне реального размаха междисциплинарных исследований? не поспешили ли «упразднить» дисциплинарный тип организации науки, который, собственно, стал обретать теоретическую концептуальность опять же благодаря размаху «междисциплинарности»? так ли ясно на уровне исследовательской практики различия в междисциплинарных (интердисциплинарных) и полидисциплинарных методиках? всегда ли «полидисциплинарный синтез» означает «расширение» картины? – возможно, меняется лишь целеполагание фокуса ее восприятия? зависит ли «полидисциплинарный синтез» от того, кто (представитель какой профессии-дисциплины) будет осуществлять «сличение» результатов «дисциплинарных наработок»? 7) не поставлено ли сравнительно уже давно под сомнение существование «нормальной науки» и наличие единой «парадигмальной системы»? утверждение «парадигмальности» и «пики агрессии» институционально признанной дисциплины не означают ли «начало» ее нового «кризисного режима», подготавливающего очередную «моментвзрыва»? а «процессуальная незавершенность» не свидетельство ли многоуровневых и разнонаправленных векторов в общем хаосе столкновений, сближений, равновесий, оппозиций, агрессий и проч. участников «научного движения», что в итоге и является главным «маркером» его бытия?..

P.S. Разнообразие модификаций «плавающих смыслов» терминологического инструментария современного историка (и историографа), вероятно, отображает «дух креативности», характерный сегодня для всей социогуманитаристики³⁴.

Реальное движение научного знания и научной деятельности, безусловно, приведет к новому пониманию «единства» («универсума») в эпистемологической сфере самой исторической науки. Но стремление к адекватности (оптимально возможной) осознания этих процессов осуществимо лишь в результате анализа дисциплинарной истории всех составляющих исторического знания, рефлексии над основами их «дисциплинарных программ». В этих поисках не стоит забывать об интегрирующей роли историографического знания в отношении всех областей исторического познавательного процесса. Если история – это самопознание и самоидентификация личности и социума, то

историография – «самопознание историка», без которой «историк не историк» (Е.А.Косминский)³⁵.

Размышляя о перспективах развития историографического пространства, можно опять обратиться к И.Валлерстайну: оценивая будущее социологического знания, он утверждал, что «социология, как и прочие дисциплины, вышедшие из узко-профессионального деления знания в XIX веке, идет к вымиранию. Однако есть два пути вымирания – большой и малый, почетный и позорный». Если второй – это путь «измельчания», дробление на «поддисциплины», создание все новых и новых «социологических княжеств», которых в итоге ждет «селективное вымирание» в результате очередных бюджетных сокращений и недовольства студентов, которым «надоест схоластика»; то второй путь – «путь наддисциплинарного преодоления раздробленности знания», создание парадигмы «единой исторической социальной науки»³⁶.

Новый-старый образ «единого знания» – в какой-то мере идеал, несопоставимый с условиями социальной структурированности, основанной на дисциплинарных механизмах функционирования нашего бытия. Во всяком случае, путь «большой» и «почетный» – «наддисциплинарного преодоления раздробленности знания» – не одноактное действо. Возможно, в современных условиях трансформации единого дисциплинарного поля, в обстановке интенсивных поисков своего «обновления» конкретные дисциплины, превратившиеся сами в «дисциплинарные ландшафты», пойдут по пути «преодоления раздробленности» собственного дисциплинарного знания.

Перспективы развития историографической науки, на наш взгляд, не в дроблении цельной дисциплины на фрагменты историографического знания и не в слиянии ее с иными познавательными системами, но в определении ее смыслового ядра, стержневой роли в понимании и выстраивании «мультитемпоральной картины» историографического процесса, в осознании широкого проблемного поля историографических исследований, значительного диапазона методов историографического анализа, в многообразии подходов к осуществлению историографического синтеза, в эпистемологической и методологической «открытости», но, в то же время, и в обозначении ее «профессиональной территории» – «территории историографической науки».

Какой предстанет «Новая историография» (и стоит ли бесконечно эксплуатировать этот эпитет?) – зависит от стремления ее репрезентантов – историографов к взаимопониманию, к сохранению своей профессии с помощью углубленной рефлексии над основами «историографического дискурса» и его дисциплинизирующих механизмов.

Проблема создания собственного интеллектуального пространства, стоящая сегодня перед отечественной наукой в целом, перед историографами, в частности, должна решаться в процессе осмысления своих, коренных традиций, современных дискурсивных практик историописания и теоретического опыта Запада³⁷.

¹ Репина Л.П. Профессиональное историческое образование в России: современное состояние и перспективы развития // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 13. – М., 2004. – С.6; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (Размышления над учебным пособием Л.П.Репиной, В.В.Зверевой, М.Ю.Парамоновой «История исторического знания» // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. – Т.П. – М., 2007. – С.269.

² См.: Фуко Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с франц. – М., 1996. – С.69.

³ См.: Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь: Международный философский журнал. – 1992. – № 1.

⁴ См.: Время мира. Альманах. – Вып.1: Историческая марксосоциология в XX веке; Вып.2: Структуры истории /Под ред. Н.С.Розова. – Новосибирск, 1998, 2001 и др.

⁵ Цит.по: Валлерстайн Иммануил. Миросистемный анализ: Введение. – М., 2006. – С.10.

⁶ Процесс становления профессиональной исторической науки в Украине в контексте европейской научной традиции впервые в конкретно-историографическом плане представлен в монографии С.П.Стельмаха. См.: Стельмах С. Історична наука в Україні епохи класичного історизму. ХІХ – початок ХХ століття. – К., 2005.

⁷ См.: Иллерицкий В.Е. Историография // Очерки истории исторической науки в СССР. – Т.П. – М., 1960; Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины ХІХ в. до 1917 г. – М., 1983; Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. – Днепропетровск, 1993; Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса, 2007 и др.

⁸ См.: Варшавчик М.Я. Историография // Джерелознавство історії України: Довідник. – К., 1998; Калакура Я. Українська історіографія в структурі історичної науки // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики (Число 5) / Історіографічні дослідження в Україні (Вип.10): Збірка наукових праць на пошану академіка НАН України В.А.Смолія: У 2 ч. / Відп. ред. М.Ф.Дмитрієнко, Ю.А.Пінчук. К., 2000. – Ч.2. Історіографія.– С.402–415; Шевченко Ф.П. Історіографія – важлива історична дисципліна // Історіографічні дослідження в Українській РСР. – Вип.1. – К., 1968. – С.9–10.

⁹ См.: Брикнер А.Г. О главных задачах исторической науки // Краткий отчет о состоянии и действиях Императорского Новороссийского университета в 1867/8 академическом году. – Одеса, 1868. – С.4–16; Историография истории нового времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / А.В.Адо, И.С.Галкин, И.В.Григорьева и др. / Под ред. И.П.Дементьева. – М., 1990 и др.

¹⁰ См. подробнее: Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – С.69–95 («Экскурс: Об историографическом процессе»).

¹¹ Колесник І.І. Українська історіографія (ХУІІІ–початок ХХ століття). – К., 2000; Калакура Я. Українська історіографія: Курс лекцій. – К., 2004; Коцур А.П., Коцур В.П. Історіографія історії України: Курс лекцій. – Чернівці, 1999; Посохов С. Історіографія // Історіографічний словник: навчальний посібник для студентів історичних факультетів університетів. – Харків, 2004; Пікалов В.Г., Посохов С.І. Багатолика історіографія (Образи історіографії як наукової та навчальної дисципліни // Харківський історіографічний збірник. – Вип.8. – Х., 2006 и др.

¹² Зашкільняк Л. Сучасна світова історіографія: Посібник для студентів історичних спеціальностей університетів. – Львів, 2007. – С.9.

¹³ См.: Колесник І. Історіографічний дискурс в Україні: реалії та прогнози // Сучасна Українська історіографія: проблеми методології та термінології: Матеріали Всеукраїнського науково-методологічного семінару (Київ, 17 червня 2004 р.). – Київ, 2005. – С.22–23.

¹⁴ См.: Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / Под ред. Л.П.Репиной и В.И.Уколовой. – Выпуск 1. – М., 1999. – С.10; Она же. От истории идей к интеллектуальной истории (Аналитический обзор) // ХХ век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. – М., 2001. – Ч.П. – С.100–101.

¹⁵ См.: Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: Материалы научной конференции. 20–22 сентября 2007 г. – М., 2007. – С.91–92.

¹⁶ Ястребицкая А.Л. О культур–диалогической природе историографического: взгляд из 90-х // ХХ век: Методологические проблемы исторического познания... – Ч.1. – С.6–7; Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце ХХ века // Диалог со временем. – Выпуск 1. – С.261–262; Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы

// Диалог со временем. – Выпуск 2. – М., 2000. – С.8.

¹⁷ См.: Лепти Б. Общество как единое целое: О трех формах анализа социальной целостности // Одиссей: Человек в истории, 1996. – М., 1996.

¹⁸ См.: Фуко Мишель. Воля к истине... – С.67–69.

¹⁹ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М., 1985. – С.234–235.

²⁰ Фуко Мишель. Воля к истине... – С.65.

²¹ Румянцева М.Ф. Целостность современного гуманитарного знания: необходимость и возможность // Единство гуманитарного знания: новый синтез: Материалы XIX международной научной конференции, Москва, 25–27 янв. 2007 г. – М., 2007. – С.47.

²² См.: Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального измерения. – Новосибирск, 2002. – С.32.

²³ О «сетевом анализе» и «моделях интеллектуальных сетей» при изучении интеллектуальных сообществ см. подробнее: Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно–исторического исследования: проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. – М., 2007; Колесник І.І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України. ХІХ століття // Український історичний журнал. – 2008. – № 1. – С.169–193.

²⁴ Ревель Ж. Микрoанализ и воссоздание социального. – М., 1994. – С.13.

²⁵ См.: Уильямсон О.У. Экономические институты капитализма. – СПб., 1996; THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Т.1, вып.3: Мир человека.

²⁶ См.: Валлерстайн Иммануил. Миросистемный анализ: Введение. – С.10; ХХ век: Методологические проблемы исторического познания. – Ч.П. – С.52–60.

²⁷ Микулинский С.Р. Очерки развития историко-научной мысли. – М., 1988. – С.60–61; Селунская Н.А. Осень средневековья и поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 13. – М., 2004. – С.246.

²⁸ Стоун Л. Будущее истории // THESIS. – 1994. – Вып.4. – С.168.

²⁹ См.: Савицкий Е.Е. Проблема контекста в интеллектуальной истории, 1940–2000 // Мир Клио... – С.348.

³⁰ Яковенко Н. Вступ до історії. – К., 2007. – С.325.

³¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб., 2006. – Т.2. Образы прошлого. – С.682–683.

³² См.: Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. – М., 2005. – С.19, 25; Ионов И.Н. Феномен мультитемпоральности // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П.Репиной. – М., 2007. – С.19.

³³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Современное общество и историческая наука: вызовы и ответы // Мир Клио... – С.162–165.

³⁴ См.: Ясь О. Стил мислення – метафора та інструмент // Ейдос. Альманах

теорії та історії історичної науки. – Випуск 2. – Частина 1. – К., 2006. – С.39.

³⁵ Цит. по: Шарова А.В. Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е.А.Косминского // Одиссей. Человек в истории.– М., 2003. – С.270.

³⁶ Валлерстайн Иммануил. Миросистемный анализ: Введение... – С.8.

³⁷ Смолій В. Редакційний анонс // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки.– Випуск 1. – Київ, 2005. – С.10.